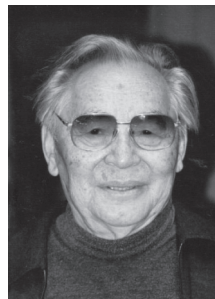

Абдижамил
ЖУРНЕЦОВ

АКШАТАУ

Да, возможно, кто знает, а кто-то нет, нашей исконной родиной было впадающее в море устье реки Сырдарья; а точнее, широкая равнина между Аральском и Казалинском; а если быть еще более точным – одинокий беловатый холм сродни безымянной сопке в пустой степи, эта возвышенность и манила взор, вытягивая шею проходящего или же проезжающего мимо путника, будто говоря «Я здесь», а широкая равнина между этими двумя городами упирается прямо в море. Его, моря, в этом краю... Ну, об этом вы потом сами узнаете. Иногда, изредка время от времени какой-нибудь путник, проезжая мимо, спросит, придержав коня:

– Что это у вас здесь возвышается?

И ему, по-своему придавая этому вопросу важность момента, гордо отвечают:

– Это же Ак-ша-а-т-а-у.

И путник начинает допытываться:

– И каких же предков земля эта?

О, тогда спешат включиться в разговор другие местные жители, словно подстрекаемые шайтаном, всколыхнувшись всей душой; затем, прежде чем ответить, задирают нос и, усмехнувшись, со значением молвят:

– Земля эта... те-е-е-х жакаимов, что потомки и бывшие дети старшего брата, и мы их всех очень уважаем... И потечет, как рис сквозь пальцы, долгая беседа.

Ну и пусть! Пусть говорят! Ай, мало ли что вздумается сказать любому озорнику в наше нынешнее время, когда у людей и руки, и языки ничем не заняты?! Не будешь же затыкать рот каждому шалопаю, болтающему бог весть что?! В крайнем случае, и этот наверняка из тех паршивцев, чей язык вечно чешется, нет-нет да заденет наше самолюбие. Или же эти из тех, кто имеет родственные связи, родственники по материнской линии, кто знает? Суть этих-то несчастных известна. Они-то и не знают, к чему бы придраться, ищут любой повод. Это еще что, а вот как быть с теми, что считают себя вечно обделенными, важничая, будто чужие, но знатные люди, которым у казахов уготован специальный чай и специально для них приготовлено угощение?! Если вот такие чванливые, напыщенные господа случайно окажутся в твоём доме, какой же казах не встретит их с распростертыми объятиями, сочтя их божьими посланцами?! И этот казах, самодовольно пыжась, усядется у тебя на торе, и нет бы сидеть себе тихо и спокойно, никого не задевая

и ни во что не вмешиваясь, так нет, он начнет свои подробные расспросы, и в результате непременно выяснится, что вы с ним в очень близком родстве, чуть ли не дети родных сестер, ну что тут будешь делать?! Дальнейшее можно и не рассказывать, и так все понятно. Вмиг сблизившиеся казахи не будут казахами, не будут удовлетворены, если не вплетут в свои разговоры разные шутки-прибаутки, разве не мы были с тех самых незапамятных времен насмешливым, ироническим народом – балагурами и шутниками!

Лично сам я не особо переживал из-за всяких шуток, бродивших среди людей в ауле. К тому же мы были молоды и на весь мир поглядывали свысока, не говоря о прочих пустяках. Разве не мы ходили, задрав голову, не обращая внимания на всякие там, как нам казалось, мелочи между соседями, даже не представляя себе толком их сути и чаще всего сводя все к шутке-прибаутке?!

А вот теперь... Что хорошего может быть в старости, будь она неладна, эта старость?! Чуть что не понравится, как тут же дуешься от обиды. То ли ты чересчур щепетильный, то ли обидчивый, а может быть привередливый и капризный. Как бы там ни было, теперь ты в каждом слове чувствуешь подвох, принимаешь все на собственный счет и всегда готов поворчать, дребезжа, словно полая бутылка из-под былой емкости. К тому же и вон те твои родичи тоже не ахти какие. Вечно ходят, мелькая то тут, то там, подглядывая и выискивая, к чему бы с нашей стороны им зацепиться. Господи, если бы речь шла о нас, другое дело, но зачем трогать нашего древнего предка, уже давно превратившегося в прах, чьи кости вечность тому назад истлели? Разве не видишь, вот давеча, вместо того чтобы толком ответить задавшему вопрос путнику, опять вплел между слов: «эти, которых мы сами очень уважаем...», вновь задел нас за живое, что же это такое?

Ладно, если так уж он нам сочувствует, есть же все-таки мы сами, ныне здравствующие?! Какое ему дело до духа наших предков? Говорит: «Эти... потомки старшего брата, жакаимы...» Эй! Эй, а чего этот негодник задрал нос, когда говорил так? Ах, боже мой, да почему же он так фыркнул, чуть переносица не лопнула, будто верблюд, которому в нос заполз червяк? Ах, что же это было? Это что, он так насмеялся над нами, высмеивал нас?..

Да-а, в крайнем случае, это они тогда-а-а... радовались тому, что их прадеды при выделении каждому земного надела, пользуясь наивностью, не знающего хитрости и коварства нашего великого прадеда, обвели его вокруг пальца? Так что ли, эй?

Для казаха боль за землю – это всегда боль души. Но разве могут по-настоящему обидеть друг друга люди, которых связывают между собой родственные корни?! Ойбай, да ведь и возмущение, и обиды, и размолвки всякие между родичами никогда не затягивались надолго. Разве ж сегодняшний гнев не забывался буквально уже на следующее утро? Хотя и говорили, что шутки среди последующих потомков тех самых стариков беззлобны, безобидны, нет в них ни упрека, ни скрытого яда, но если они входят в привычку, словно бы в кровь и плоть аулчанина, то очень задевают душу и самолюбие человека.

О господи, если даже и вытерпишь упрёки и укоры сородичей, то как вот вынести их надоедливость, упрямство и назойливость?! Будь кто другой, давно бы уже и забыли. А эти нет, не забывают. При каждом случае тыкают этим в лицо, словно выиграв у нас лишний асык, и еще будут радоваться этому, кривляться, скаля зубы. Ну, что ты с ними сделаешь!

Если даже и скажут, будь они неладны... как же это было в самом начале? Да! Да, есть о чем рассказать... разве не было издавна так, что дальние родственники, дружно проживавшие бок о бок, вместе кочевавшие и оседавшие на новом месте, у которых и посуда, и удача были общими, со временем преумножали свои семьи, начинали разрастаться и процветать. Затем рано или поздно потомки разросшегося рода получали свою долю и отделялись. Да, и в тот раз старейшины двух сторон пришли к тому, чтобы на завтра распределить эту землю!

Наши старики выбрали одного порядочного жигита и поручили ему:

– Прoberись незаметно на ту сторону и узнай, что они там задумали!

Говорят, что он, бедняга, по-своему стараясь быть осторожным, подкрался к дому, где те собрались. Но... что толку от того, что он туда отправился. Говорят, что, как он ни таился, как ни пригибался, его выпячивающийся, как у барана-трехлетки, зад с одной стороны и торчком сидящая на голове шапка с другой сразу заметили те, о ком речь.

Они и обрадовались, возликовали. Один из этих ловкачей, возвысив голос, чтобы услышал наостривший рядом уши лазутчик, заговорил, едва не плача:

– Знаете, почтенные, мы напрасно трудимся, переживаем. Ведь жакаимы – потомки старшего брата. И главенство принадлежит им. Завтра при наделе земли выбор в первую очередь будет за ними. Вот и увидите, наш любимый Акшатау, что даже ночами нам снится и днем занимает все наши мысли, завтра станет только их добычей.

Ему стал вторить другой, третий калач, еще более опытный, бывалый прохвост, хотя и из дальних родичей:

– Апыр-ай! Апыр-ай, как же нам быть? Ведь все мы люди, и днем кое-как спасавшиеся от изнуряющего зноя Арала, а его не каждому дано выдержать, вечерами выходили бы в степь! Старшие, поднявшись на вершину Акшатау, постепенно озирали бы окрестности! Тогда для них, смотрящих вдаль из-под ладони, далекое становилось бы ближе, а близкое и вовсе бы придвигалось вплотную, и они видели бы, как к утомленному, обессиленному от дневной жары миру снова возвращается жизнь! Вон пролетела птица в небе. По земле в поисках добычи рыщут звери-зверюшки. Постепенно оживляются и приходят в движение один, другой аул, а люди выходят к подножью горы. Видели бы девушек, идущих с коромыслом на плечах за водой, собирающих кизяк женщин.

Ой, не могу разглядеть. Вон тот, промелькнувший в овраге, это, кажется, путник? Это всадник, что ли? Бедняга, заботы о насущном не дают ему спокойно лежать в маленькой лачуге, вот он и отправился, видимо, в путь по вечерней прохладе. Оставят ли в покое голодный желудок и заботы о малых детях? А он... видишь, за это время успел перевалить за один, а за ним и за другой хребет, и на этой стороне наши старики, стоя на вершине Акшатау, пожелали бы ему счастливого пути, прочитали бы молитву за него, чтобы был в благополучии! Ах, мы и этого лишились. Теперь не мы, а дети старшего брата – жакаимы, поймав удачу, взойдут на вершину Акшатау и будут сидеть там, преумножая свой авторитет! Аксакалы и карасакалы только их родов, собравшиеся вместе на большом сборе, сидели бы, обвеваемые нежным вечерним ветерком из степи, открыв ему грудь. Развевались бы от ветерка полы белых рубах, а они бы говорили с воодушевлением, начиная с те-е-х далеких Лаукул Макфуза, Адам-ата, Хауа-ана, обсудили бы вдоль и поперек оба мира – суетный, непостоянный и вечный миры, а потом

в какой-то момент устроили бы трапезу по поводу святых и сподвижников пророка, да буду я жертвой за вас, эх, это ведь тоже было бы счастьем, равным едва ли не самому раю, который бедный человек надеется увидеть в своей собачьей жизни! Ах, мы несчастные, как же нам не повезло, и впредь нам это не суждено, ибо этот подарок предназначен для потомков старшего брата жакаимов!..

Как поведала быть-легенда, с этими словами тот красноречивый пройдоха бесовестнейшим образом сделал вид, что очень сожалеет, и чуть ли не заплакал..

Эх, увы! Как бы то ни было, наши незабвенные великие предки были, значит, как дети наивными, готовыми поверить ложным речам!

Одним словом, с тех пор, стоит только зайти разговору о святой горе Акштатау, возвышающейся на пути проезжающих в пустой голой степи, возле которого и травинки не найдешь, чтобы поковыряться в зубах, нынешние потомки тех самых плутов, которые обманули потомков старшего брата, смеются и паясничают, скаля зубы!

Ну, коли смеются, пусть смеются, будь они неладны, что делать. Это ведь наш дорогой, любимый Акштатау, испокон веков воспитывавший поколение за поколением, хранящий бессмертный дух нашего великого предка!

* * *

В былые времена моих предков жизнь обитателей этого края всецело зависела от упитанности домашнего скота, и потому их очень волновали вопросы земли, воды, пастбищ. Говорят, особенно потомки Жакаима-ата, обитавшие между морем с одного края и сухой степью с другой стороны, в годы сильной засухи метались, не зная, куда им податься. Шло время, проходил год за годом, и с течением времени к прежним мытарствам добавилась еще одна – нехватка самой земли. И однажды в этот период, когда жизнь загнала в тупик и не было иного выхода, относящаяся к нам часть потомков Жакаима-ата была вынуждена оставить Акштатау и переселиться в Кок-арал¹.

Спустя время, когда и Кок-арал стал тесен, они направились на расстояние верблюжьего перегона с двумя-тремя ночевками по пути в сторону суши, где было много колодцев с питьевой водой и сочный травостой. На этой стороне моря жили адаи и табыны, а за ними находилась летовка рода, из которого в прошлом вышло много сильных и смелых батыров, так и поется в народных песнях: «Если спросишь о моем роде, то я Глеу-Кабак» – лежит, пестрея травами и цветами Улы-Кум²

На этой стороне огромной широкой степи с расстояния в один привал неясно виднеется в синей дымке Бель-Аран, еще дальше на пути кочевья находились бы холмы Боташ, Жетымкара, Сыргакты, Уяоба... Уважаемые мужчины, постоянно находившиеся во главе рода-народа, переселившегося с присырдарьинских земель, основываясь на согласованном с русской администрацией того времени способе расселения, видимо, размещали людей по аулам, учитывая родственные связи тех, у кого были общие предки. Нашим достались давешние Бель-Аран, Боташ, Бес шоки. Наши прадеды, заботившиеся о создании условий для скота, строили загоны для зимовки и другие хозяйственные постройки на морском побережье с подветренной стороны, а в оставшиеся шесть летних месяцев, спасаясь от комаров, слепней, мух, мошкар в прибрежной части, как только начинало пригревать

¹ Кок-Арал – Зеленый остров – бывший остров на севере Аральского моря (пер.).

² Улы-Кум - Великие пески (пер.).

солнце, тяжело навьюченным кочевьем, вытянувшимся подобно журавлиному клину, отправлялись в степь.

Нашими предками в седьмом колене были два брата-старика: Кыдырбай-би и Тойгожа-батыр. На долю происходящих от них двоих потомков достался смотрящий прямо в море, защищенный от ветра склон Бел-Арана. Судя по рассказам знавших его, наш Нурпеис-ата был крупным, рослым краснощеким человеком. Дважды избирался волостным. Содержал мечеть. Муллою в этой мечети был сын Намазбай-суфия акын Умбет, окончивший Кокташ в Бухаре. Нурпеису он приходился младшим родственником. После смерти Нурпеиса он уехал к родственникам жены в Улы-Кум, где располагался род Тлеу-Кабак, и там держал мечеть, откуда был в начале тридцатых годов схвачен и затем расстрелян.

А Нурпеис-ата, после избрания во второй раз волостным, в возрасте пятидесяти трех лет скончался. Его могила находится у подножия Бель-Арана.

Отец Нурпеиса – Сламбай. Этого незабвенного человека наши старики до последнего времени называли «Сказитель Сламбай». Это был в свое время известный, богатый человек. Мелкий скот у него предназначался для гостей, а в основном он содержал бывший на подножном корму крупный рогатый скот – верблюдов, лошадей... Когда до прошлой войны мы жили в родных местах неотделимо друг от друга, девушки и женщины нашего рода называли отчий дом, оставленный Сламбаем-ата после себя Нурпеису, «домом бая-ата», «аулом бая-ата»³.

Жакаимы, переселившиеся с района Сырдарьи в степи, приспособивали свою новую жизнь к условиям существования издавна проживавших здесь людей и постоянно ухаживали за скотом. Не похожие на присырдарьинские степные аулы там не занимались земледелием, не сеяли и не выращивали зерно. Лишь позднее наш Сламбай-ата, когда ездил по каким-то делам в Оренбург, проезжал по пути через сеющий хлеб земледельческий район – Жем-Эмбу. Волевая натура, грамотный, образованный человек, он, вернувшись на родину, надо полагать, весной, запрудил воду от тающих снегов и организовал среди своего поселения посев пшеницы и проса. Это место, где получали продукцию от зерновых культур, в свое время называлось «Сламбай қазған» – «Раскопанное Сламбаем». Но кто сейчас об этом помнит?! Много воды утекло. И Арал-море...

Море обмелело и высохло. Люди перебрались в другие места. Какой прок от оставшегося без хозяев, осиротевшего места стоянки аула, как оно могло выглядеть, коли народ, покинув родные края, массово перекочевал; ныне оно похоже на подстилку из шкуры, оставшуюся на месте прежней стоянки. Если в той стороне с Байконура стартует ракета, то на этой стороне целую неделю дует, завывая, стремительный, напористый, сумасшедший ветер Арала, не давая открыть глаза. Со дна засохшего моря с воем и грохотом поднимается в небеса мелкий белый солончак, превращаясь в свирепую пургу, так что вышедший на воздух человек, не видя дороги в этой сумятице, снова спешно спрячется в доме. Сказать легко, а вот жить в этом краю сейчас могут только сильные духом люди.

И кто сейчас знает, как в разное время называлась эта земля в блеклой, высохшей голой степи, где не то что людей, зверей-то не сыщешь, кто здесь размещался, развивался и процветал, живя честь по чести в ликовании и радости, в земной мудрости и печали?!

³ По казахским обычаям они не могли называть имена родни мужа, это название – в роли качественной характеристики лица, заменяющей имя собственное (пер.).

Те, кто в свое время знал и помнил это, ушли, как говорится, в мир иной. А нынешние, оставшиеся в живых потомки Жакаима-ата... эх, от этих бедолаг какая польза, какая на них надежда?! Сегодня и они, подобно диким степнякам, в заботах о существовании, о семье бродят, поди, скитаются, куда глаза глядят, пронизываемые ветрами, словно гонимое холодным ветром перекаати-поле...

БОКАН

Жакаимы, как было сказано ранее, делятся сейчас на две группы: «жакаимы Сыра» и «жакаимы степи». Мы относимся к Степным жакаймам. Когда роман «Кровь и пот» впервые переводился на русский язык, мы с Герольдом Бельгером стремились избежать буквального перевода и большее внимание уделяли смысловой, содержательной стороне, в итоге остановились на таких вариантах, как «морской Жакаим», «сухопутный Жакаим». Нас люди называют «сухопутными жакаимами». Потомство, берущее начало от Жакаима-ата, в настоящее время разбрелось по всему свету. Бог знает, может быть, какие-нибудь светлицы жакаимы встречаются сейчас и в далеких странах Европы, Америки, Скандинавии, не говоря уже о мусульманских местах. Ну, а те, что остались здесь, включая степных и морских жакаимов, представляют собой большой сильный род с мощными корнями, о котором можно с уверенностью сказать «целое племя».

Я никогда не считал себя мастером в генеалогии. В пределах Младшего жуза объединяющий всех нас дальний предок – Алим-ата, а несколько ближе – Шекты-ата. От Шекты четверо детей: Шынгыс, Урыс, Баубек, Болек. От Болека – Айт. От Айта – Тлеу-Кабак, от Шынгыса – Жакаим. Поскольку Шынгыс был старшим сыном, нас называют детьми старшего брата.

От Жакаима четверо сыновей: Токбура, Акбура, Агыс, Когис. От Токбуры – Кулымбет. В настоящее время весьма известным человеком, находящимся на виду у людей, является Крымбек Кушербаев. От Акбуры – Байымбет. От него происходим мы. Об этом нашем предке в архиве Абиша Кекильбаева есть рукописи русского офицера, долгие годы жившего в Младшем жузе, где говорится, что Байымбет-ата был современником хана Абулхаира. Он был бием, а также батыром. По-видимому, его мнения не всегда совпадали со взглядами хана, и отношения между ними складывались по-разному, были противоречивыми.

Байымбет скончался в 1745 году. В его похоронах принимали участие Нуралыхан и Есет-батыр из рода Тама.

От Байымбета четверо детей: Андагул (его могила находится на большом кладбище возле Шалкара), Бадык, Актеке, Жадык.

От Андагула четверо детей: Сары, Бука, Бокан, НаDIR.

От Бокана – Кыдырбай (би), Тойкожа (батыр). В битве с калмыками в ногу батыра попала стрела, выпущенная из вражьего лука. Однако в песне, что на устах народа, поется, что он продолжал сражаться, подвязав ногу к тороке седла, и враг не укрепился и не одержал победы. А позднее раненая нога стала опухать, и его старший брат привез костоправа, и ему отрезали ногу ниже колена. В дальнейшем батыра стали называть «Ақсақ бөрі», что означает "Хромой волк".

Из ныне живущих потомков Кыдырбай-бия назовем Марала Итегулова. Он стал депутатом парламента во время впервые проведенных после обретения

нашей страной независимости выборов, а также депутатом двух последующих созывов, известный человек, бизнесмен.

Только что я говорил, что от Андагула-ата было четверо детей. Но разве дети, пусть даже и рожденные от одного отца, бывают одинаково похожи на родителей?! Трое из четверых сыновей были простыми, скромными людьми, и, видимо, только наш Бокан-ата в отличие от других был, как говорят, непокорным проказником. Немало можно почерпнуть из оставшихся в моей памяти вот этих четырех строк Кулжан-шайыра⁴ о Бокане:

Нам тесно жить на землях Кок-Арала,
Кочевье по весне не раз народ сближало.
Хромой наш волк достиг вершины Домалака,
И пыль, клубясь веретеном, из-под копыт вставала...

С нынешнего отсчета Бокан-батыр – наш восьмой предок, живший приблизительно около двухсот лет назад. Боже мой, прошло столько лет, но, несмотря на это, до сих пор, стоит только проявиться у кого-нибудь из наших задиристому, строптивому, новористому характеру, как тотчас же свяжут нас с далеким нашим проказливым прадедом: «вот, злой дух Бокана обуял».

Это обстоятельство заставило меня крепко задуматься. Сколько бы я ни размышлял об этом, не хотелось думать о плохом. Известно, что любой человек очень внимательно относится ко всему, что связано с его предками. Я тоже пытался узнать, многих расспрашивал. Каким бы озорным его ни называли, до моих ушей не доходили слухи о том, что этот наш прадед будоражил мирно живущий народ. Не слышно было также и таких вздорных вымыслов, будто он разбил чью-то голову, выколол глаз. Судя по этому, наш прадед не был крикливым горлопаном, вмешивавшимся во что попало, надоедавшим людям, нарывавшимся на неприятности и подвергавшимся проклятиям.

Да, может, он и был проказником. Ну, так что с того?! Какой казах с соилом⁵ в руках в те времена отличался хорошим характером?! У меня язык не повернется назвать его каким-то придурком, неотесанным самодуром, у которого гнев впереди разума. Кто знает, разве в иное время озорники и баловни не оказывались родовитыми, знатными, благородными и порядочными людьми?! Мои мысли все время возвращались к этой неопределенной логике.

Однажды я обо всем этом рассказал Маралу. Мой братишка по возрасту выслушал меня довольно безразлично. Сколько бы ни говорилось, но то ли оттого, что он молодой человек нового времени, или же потому, что его отец по службе рано уехал из родных мест и до конца жизни был вдали от родины, в местах, где все было иным, он всегда был равнодушен и холоден, когда мы говорили об умирающей и воскрешающейся родной земле. Причину этого однажды он пояснил сам, открыто, без обиняков сказав:

– Ага⁶, вы и раньше заводили этот разговор. Родная земля, земля предков вон в той стороне. Съезди туда. Посмотри, говорили вы. Скажу честно, сколько бы вы ни уговаривали, но, поскольку я там не родился, смолоду там не бывал, я туда и не рвусь, сердце мое туда не стремится.

⁴ Шайыр – поэт (пер.).

⁵ Соил – дубина (пер.).

⁶ Ага – старший товарищ, брат.

– Понимаю.

– Не обижайтесь. Иногда я чувствую себя так, словно, еще не родившись, был то ли бурей, то ли ветром оторван и унесен от родной земли куда-то в другую сторону. Я родился в Актобе. В Актобе вырос. И мне очень близок этот город.

После этого я не затевал с ним разговора о родной земле. Но беседы о нашем предке с озорным характером продолжались и после этого. А люди – чего только они не скажут?! Стоит ли искать согласия в каких бы то ни было словах людей, говорящих что попало. Разве мало было проказников в народе? Все они явились на свет божий каждый со своим характером и прожили земную жизнь и ушли из нее. Кому известно о ком-нибудь из них?! Никому! А вот этот наш предок, по-моему, не просто себе проказник, мне все время представляется, что это родовитый, благородного происхождения озорник. «Подумай-ка сам, – сказал я братишке Маралу, – кто из прадедов, кроме него, смог передать в неизменном виде прирожденные качества своей природы последующим поколениям, вплоть до седьмого колена. Если так, братишка, унаследует ли кто после нас из потомков в восьмом колене благородную шаловливость и озорство этого незабвенного ата или не унаследует, это все в воле Аллаха. Пока мы живы, давай обновим могилу нашего предка, которая находится на вершине Домалака в Кок-Арале!»

Мой младший товарищ был безмолвен. Продолжая свой разговор, я изредка искоса посматривал на него. Сейчас он не такой равнодушный и безразличный, как прежде. Сидит, уперев руки в колени. Обычная его аккуратность и внимательность. Худощавый, он сидит с прямой спиной.

Может быть, предок, может, кто-то другой, всякий рожденный на белый свет бедный человек, когда подходит время покинуть этот бранный мир, ожидает доброты и милосердия от оставшихся после него людей. Братец, я тоже, как и ты, не особо сведущ в шариате. Говорю то, что слышал от служителей культа. Кто знает, как там у дикарей, но я заметил, что для культурного общества почитание духов предков, уважение земли, которая милостью Всевышнего приняла тебя в свои объятия, – святой долг.

С недавних пор, когда рухнула власть Советов и мы стали суверенным государством, те, у кого имелись возможности, начали обновлять могилы предков. И в нашем роду достаточно прадедов, ставших в свое время родоначальниками многих поколений. Но ведь наш Бокан-ата – совершенно иное дело!

Одного я только опасаюсь. Дети покойных, устраивающие поминки, и здесь впадают в нечеловеческие крайности и стараются превзойти друг друга в чрезмерном почитании, соперничают друг с другом, что ли? Это – высокомерие, кичливость. Давай мы с тобой будем держаться подальше от этого. Мы просто установим памятник нашему благородному проказнику-ата из черного или серого камня Бершугура, мы просто поставим высокий знак – башенку, заметную издалека. Надо обтесать гранит и высечь на нем стихи Кулжана-шайыра, установить эту плиту на видном месте.

Возможно, проезжающие мимо путники, оглянувшись, повернут сюда, заедут по пути, прочитают молитву в честь святого духа нашего предка. Может быть, удостоится божьей милости за такое доброе дело. Как ты на это смотришь?

Марал согласился. Мы долго молчали, погруженные в божественную тишину.

Перевод Б. Канапьянова, Ж. Кенжебаевой

